

Вера Кушнир

Стихи как стихии

Вера Кушнир

СТИХИ, КАК СТИХИИ…

Стихи

Вера Кушнир

СТИХИ, КАК СТИХИИ...

УДК 27-291
ББК 86.37
К 9

Кушнир Вера

К 9 Стихи, как стихии... Стихи. – К.: Свет на Востоке, 2010. – 112 с.

Поэтические произведения известной христианской писательницы и поэтессы Веры Кушнир.

Кушнір Віра

К 9 Вірші – наче стихії... Вірші. – К.: Світло на Сході, 2010. – 112 с.

Поетичні твори відомоі християнськоі письменниці та поетеси Віри Кушнір.

Редактор Вальдемар Цорн
Корректор Елена Пеннер
Обложка Сергея Конторовича

Изд. № 01.162
ISBN 978-966-2089-35-6 (Укр.)
ISBN 978-3-939887-03-4 (Герм.)

ВСТУПЛЕНИЕ

Настоящий сборник состоит из стихов, которые были написаны после издания моих первых четырех сборников. В нем менее ста страниц, но он содержит стихи на злободневные и библейские темы, подборку лирических стихов: венок полусонетов, цикл сонетов, несколько газелей и посвящений. Начинающим поэтам этот сборник даст возможность убедиться в том, что и христианские поэты могут писать не только проповеди, нравоучения и библейские пересказы в стихах, но и чистую лирику со всей ее возвышенной музыкальностью и красотой. Всякое художественное произведение, исходящее из верующего сердца Божьего чада, прославляет вечного Художника и Даятеля всех благих даров – нашего Бога и Спасителя Иисуса Христа. Да послужит и это малое издание благословением многим, кто любит и ценит христианское художественное слово.

Автор

Моим верным читателям посвящается

СТИХИИ И СТИХИ

Стихии, стихии, стихии
В безудержный ринулись раж.
Стихи же, стихиям родные,
Слились в многоцветный витраж.

И солнца лучи преломляя
В словах многогранных своих,
Стихов легкокрылая стая
Уносит в стихии из них.

Стихи, как стихии лихие,
Расходятся – не удержать.
Их чувствуют даже глухие,
Они заставляют дрожать.

Стихи (коль они неплохие)
Подобны стихиям во всем –
Такие ж ключи не сухие,
Такой же могучий подъем.

Един их бездонный Источник.
По праву Ему неспроста –
Последнее слово и точка,
Могущество и красота!

ЭХО

Годами писала, годами читала,
А эхо молчало в расселинах гор.
И сердце устало, и ждать перестало,
И все почитало за пепел и сор.

Годами молчали глухие ущелья –
Немые, далекие, темные рвы...
Напрасно на ветер стихи неужель я
Бросала, как семя от сорной травы?

Смирилася с мыслью, что эха не будет
И отклик откроется мне в небесах.
А все же молилась, мечтала о чуде,
А стрелки стояли на Божьих часах.

И вдруг пробудилось далекое эхо,
И звуки до слуха по ветру пришли.
И было, простите, тогда не до смеха,
До слез было... Слезы из глаз потекли.

От радости тихой, от звуков ответных,
От чувств половодья – разлива души,
От слов ободренья поэту: «Не сетуй,
Мы слышим... А ты вдохновляйся, пиши!»

За что эту радость даруешь мне, Боже,
Что эхо не спит в летаргическом сне?
За то ль, что Слова Твои сеяла, может,
А Ты говорил: «Враг их не превозможет»
И «Тщетно они не вернутся ко Мне»?

Апрель 1989 г.

ИСПОЛНИВШИЕСЯ МЕЧТЫ

Все мои мечты уже сбылись,
Вплоть до той последней, что манила
Полной неприступностью вдали,
Как манят небесные светила.

Я искала Бога и нашла
По Его же свыше вдохновенью.
Ко Креста подножию пришла,
А ушла с прощеньем и спасеньем.

Я любила, матерью была,
И меня любили и ценили,
Послужила ближним, как могла,
Силою своею не двужильной.

И хотя не обошла весь свет
И семи чудес не увидала,
Знаю, что мечты сбылися все:
Все нашла душа, чего искала.

Если все подробно расскажу,
Между нами испарится тайна,
Думаю, немного погожу,
Дам воображению питанье.

Верьте, что сбылось буквально все.
Значит, исполняются желанья!
Сердце благодарное мое
Смысл нашло и счастья, и страданья.

Только бы душой не очерстветь,
Не утратить свежести восторга.
Жить, хвалить, благодарить и петь
Только Жизнедавца, только Бога!

1988 г.

ПОСЕЩЕНИЕ РОДИНЫ

Я б не назвала это возвращеньем,
Ведь возвращенье – это навсегда.
Я бы назвала это посещеньем
Оставленного навсегда гнезда,

Пустого и с давно остывшим пухом,
Лишенного исконного тепла,
Того, что чувствует ребенок духом
И в жизнь несет, куда б ни повела.

Я посетила родину земную,
Ее простой березовый ландшафт,
Шестнадцатую линию родную,
Калиновку и терриконы шахт.

Ходила в парк, стояла перед школой,
Перед театром и перед кино,
Вдыхала воздух, как всегда, тяжелый,
Пила родную речь, как пьют вино.

Но речь была, как воздух, загрязненной
И резала, как прежде, слух и дух.
Толпа осталась злой и раздраженной,
К нужде другого каждый слеп и глух.

Повсюду грубость, хамство, разгильдяйство,
Угрюмость, зависть, пьянство, торгаши...
Постиг банкрот безбожное хозяйство,
Постиг банкрот безбожие души.

Еще осталось что-то от искусства,
От русской одаренности, но жаль,
Размаха нет, и часто скучно, пусто,
И непристойность сбросила вуаль.

И все-таки и в этом антимире
Есть благородство душ и луч добра.
Россия при таком ориентире
Пробьется к правде, хоть толста кора.

Есть Божья Церковь, вставшая из праха,
Бил-бил ее режим и недобил,
Грозил ей и ГУЛагом он, и плахой,
Но отступил в стыде пред Богом сил.

И верится, что Бог восторжествует –
Семидесятилетний рухнет гнет,
Народ вздохнет, найдя тропу прямую,
И на плуги мечи перекует.

Не может быть, чтоб участью России
Безбожие осталось навсегда.
И я молилась, слез не пересилив:
«Сними проклятье с нашего гнезда!»

Октябрь 1989 г.

ГЕРОЙ ДЕКАДЫ

Не год прошел, а целая декада,
И встал, как по сигналу, Новый Год,
Как каждые семнадцать лет цикада
На тайный зов из недр земли встает.

Мир, оценив успехи лет прошедших,
Искал, кому бы славу приписать
За громкий крах вождей, с ума сошедших,
За дух рабов, решившихся восстать.

Но как ему спокон веков присуще,
Он ищет там, где не должно б искать –
Среди обломков зла, в их самой гуще,
Упрямо не желая взор поднять.

И делает героем всей декады
Того, под кем уже земля горит,
Кому тот крах – беда, а не отрада,
Кому тот крах недоброе сулит.

Мир слеп. Как прежде, истины не видит,
Как и Пилат не видел ее встарь,
Когда пред ним, толпою ненавидим,
Стоял Сам Бог и иудейский Царь.

«Ты не имел бы власти надо Мною,
Когда б тебе то свыше не дано...»
И понял он: историей земною
Не правит тот, кому не суждено.

Понять бы миру после смены года,
Что всех событий бурный оборот
Не человек и не его природа,
А Бог и допускает, и ведет.

Что все вожди, правительства и страны
Единой цели служат – «хошь не хошь», –
Что Бог Свои чрез них свершает планы.
Он вечности и всей Вселенной Вождь.

Январь 1990 г.

УРОКИ

На облаках летят молитвы верных
К престолу Бога и во имя Сына.
На облаках невидимых, эфирных
Летит хвала и горькая кручина.

Все мертво там, где не летят молитвы.
Зловонье тлена пропитало местность.
Мертвец сдает позиции без битвы.
Его распад уносит в неизвестность.

Веками в мире рушились системы.
Остались по империям руины.
Их камни вопиют, они не немы,
А мы не слышим. Мы глупы, наивны.

Спросить бы, что им подточило стены,
Что помогло в руины превратиться?
Там идолам – исчадию геенны –
Служить умели страстно и молиться.

Безбожие и идолу поклоны,
Детей родных Ваалу принесенье.
Цивилизации скатились в бездны лоно...
Мы примем ли истории ученье?

Там, где молитвы тихо к небу льются
К престолу Бога и во имя Сына,
Там есть надежда, там за хлеб не бьются,
Там в радость превращается кручина.

Август 1990 г.

МЕНЕ́, МЕНЕ́, ТЕКЕ́Л, УПАРСИ́Н

(Дан. 5:25)

«Он есть Мой избранный сосуд...» *Деян. 9:15*

Бог долготерпелив, но не навек терпенье,
Есть у Него черта, кто ступит за нее,
Свершает роковое преступленье
И Божий гнев сам на себя влечет.

Годами можно попирать святыни,
Сажать за веру, мучить за Христа,
Костями наполнять ущелия пустые
И хищников гонимыми питать.

Все до поры, до времени возможно
Тому, кто слух к истории закрыл,
Кто правдой пренебрег и сжился с ложью,
И сам себя законом объявил.

Кто ж в Библии читал про пир у Валтасара,
О реках вин и горах апельсин,
О том, как на стене в ту ночь рука писала
Слова: МЕНЕ́, МЕНЕ́, ТЕКЕ́Л и УПАРСИ́Н,

Тот знает, почему царя постигла драма,
Чем перешел черту и страшный суд навлек:
Он приказал внести сосуды, что из Храма
Его отец в набеге уволок.

И из священных чаш – святынь Иерусалима –
Наложницам и женам дал он пить
Во славу идолов из камня, меди, глины,
И тут оборвалась терпенья Божья нить.

И мудрый Даниил слов толковал значенье.
Веселый царь стал бледен, как мертвец.

«Исчислил царство Я, и нет тебе спасенья.
Я положил тебе и царствию конец!

Ты взвешен на весах и оказался легким.
Я царство разделю – соседям дам твоим».
Вот смысл тайны и для всех уроки
В словах: МЕНЕ́, МЕНЕ́, ТЕКЕ́Л и УПАРСИ́Н.

История не лжет, на свет выводит правду,
И зло не сходит с рук, хоть долго Бог молчит.
Уж если освятил Он что Себе по праву,
Он это отстоит и в пору защитит.

Открой глаза, смотри и трепещи, презренный!
Где Голиаф, Ахав, где царь Сеннахирим?
Где гордый Вавилон, где Ирод, царь надменный?
Где Грозный царь Иван и все, кто были с ним?

Сей список продолжать возможно бесконечно:
Ариец Гитлер где, и Сталин где, грузин?
Распад и гибель ждет смеющихся над Вечным
От слов: МЕНЕ́, МЕНЕ́, ТЕКЕ́Л и УПАРСИ́Н.

Октябрь 1990 г.

ПРОСТО

Быть может, ты искал. Быть может, сомневался.
Не спал ночей, впиваясь в потолок…
Соседу за стеной твой стон смешным казался,
А ты был одинок, безумно одинок!

Быть может, ты читал. Быть может, углублялся
В труды людей, где промелькнул Христос.
Но, как сигнал во тьме, тот образ удалялся,
Как твой сосед, не уловив твой SOS.

Быть может, думал ты. Быть может, так казалось,
Что слишком узок путь и слишком прост указ,
Быть может, в голове все время не вязалось,
Что только Он ОДИН весь мир от смерти спас.

Быть может, был вопрос: не все ль дороги к Богу?
Быть может, склонен был податься за Буддой,
За Магометом, Кришной, через йогу
И навсегда разделаться с бедой…

Быть может, рассуждал: зачем все так кроваво?
И вообще – к чему нам для прощенья кровь?
И Божий приговор так абсолютно право
Смерть воздает за грех… а где ж любовь?

Любовь? Она висит там, на кресте голгофском.
Смотри, она себя за всех нас излила.
Там Сын исполнил замысел Отцовский,
Чтобы никто за грех не умирал.

Любовь? Смотри: в саду послушная гробница
Отцу в смиренье Сына отдала.
Он вечно жив! Чего ж тебе не спится?
Надежна благодатная скала!

Ты прав, что узок путь, но нет пути иного,
Есть только крест Христов и только благодать.
Да, просто все, но нам ли спорить с Богом?
Не лучше ли поверить и принять?

Март 1990 г.

КТО ОН?

(Евр. 3:1)

Он был Посланник и Первосвященник,
Творец и Бог, Судья и Человек,
Страдалец-раб, Учитель, соплеменник,
Царь иудейский, врач земных калек.

Был кроткий странник, ревностный хранитель
Неоскверненья храма от менял,
Победы Церкви был Предвосхититель –
Пророчеств о Себе не отменял.

От первых слов Священного Писанья
И до последних речь идет о Нем.
Он Альфа и Омега мирозданья,
Отец и Сын и Дух творят втроем!

Постигнем ли когда-нибудь все тайны,
Что перед нами Он, сокрыв, раскрыл?
И веры дар, нам данный не случайно,
Молитвы дар – полет беззвучных крыл?

Кто Этот, Кто перевернул планету,
Дав летоисчислению почин?
Нет слов земных, чтоб этому предмету
Дать должную оценку, должный чин.

Все пережил, во всем участье принял,
Лишь победил присущий нам искус.
Пришли к Нему, и Он нас не отринул.
Кто Он? Христос, Сын Божий – ИИСУС!

1989 г.

ВОПРОС

Ходил Христос в хитоне белом,
Бесшовном с плеч и до краев,
Обветренный и загорелый,
Вдоль галилейских берегов.

Хрустела галька под ногою,
Сушились сети на ветру,
Ходил народ за Ним толпою
Бессменно – в холод и жару.

Сидели, затаив дыханье,
И слушали, разинув рот.
Был тайною источник знанья –
Учитель Он, или пророк?

Он говорил такие речи,
Что не вмещала голова.
Не зря Его Иоанн Предтеча
Сам Агнцем Божиим назвал.

И не случайно голубь белый
Спустился с неба и почил
На Нем, когда Креститель смело
Его в святой реке крестил.

Не зря в момент благословенный
Глас прогремел из облаков:
«Се Сын возлюбленный нетленный,
Отныне слушайте Его»,

Гадала, недоумевала
В те дни Священная земля,
Ему восторженно внимала,
Не понимая, но хваля.

«Скажи нам: Ты ли наш Мессия,
Или другого нужно ждать?
И мудрость у Тебя, и сила...
Кто Ты? Ответ не бойся дать!»

Он отвечал, когда просили,
И ропот превращался в тишь.
На «Царь Ты, Бог или Мессия?»
Давал ответ: «Ты говоришь».

Ответ был на слова простые
И духа правильный настрой:
«Я ЗНАЮ, что придет Мессия», –
«Я Тот, Кто говорит с тобой».

И ныне Он в хитоне белом
Приходит к сердцу на порог.
Открой Ему и верой зрелой
Скажи: «Войди, мой Царь и Бог!»

Август 1993 г.

КУДА ХУЖЕ

(Предостережение против движения «Новый век»)

Когда-то говорили: «Умер Бог».
Пусть для кого-то умер, но другому
Он оставался близким и живым.
Но вот, когда Он превратился вдруг
В безличный дух, космическую силу,
Вселенское «никто» – отца и мать,
Мужчину, женщину, какого-то «оно»,
С которым ВСЕ СОЛЬЮТСЯ,
То тут, хотя Он и не умер,
Не нужно людям Божье искупленье,
Христос излишен, Он один из многих
Христов, и Кришн, и прочих
Языческих «полезных» прозорливцев,
Чьи мирные флюиды оживляют
И благотворно действуют на всех.
Сыны людей добры по своей сути.
Вот только б эту суть им проявить
И довести до грани совершенства
Чрез перевоплощение души...
И тут, конечно, отпадает небо,
И рай, и Бог, и Сын Его, и крест...
А «Новый век» уже сошел на землю,
Богиня мать-земля преобразится,
И заживет на ней, с тем «кем-то» слившись,
БЕЗ ИСКУПЛЕНЬЯ павший человек...
Придет «Христос», но только не подумай,
Что это Тот, Которого мы ждем.
Не Искупитель наш придет на землю,
А олицетворенье сатаны –
Антихрист – мира сего князь с печатью зверя!
Хитер лукавый. Снова затуманил
Мозги слепым вождям слепых людей.
О люди добрые, куда страшнее это,

Чем даже старый лозунг «Умер Бог».
И как ужасно время, в которое нам (с вами),
Спасенным Богом, жить здесь привелось.
Перед концом всего, пред восхищеньем,
Когда у многих оскудеет вера
И холодом подернется любовь,
Пусть не собьет с пути нас дух лукавый,
Пусть устоим и победим над тьмою,
И встретим трубный звук с открытым взором
И с поднятым уверенно лицом.
Держитесь за Христа, любовь храните,
Распознавайте духов, верьте, верьте,
Что обещанье Бог Свое исполнит –
И Церковь в Свое время заберет.
Кричите с крыш домов, в набаты бейте,
Зовите заблудившихся, погибших
Принять Христа, пока еще есть время,
И крест и смерть Христову возвещайте,
Доколе Он придет!

31 декабря 1990 г.

КОВЧЕГ ЗАВЕТА

Ин. 3:16, Иер. 3:16

В ковчеге лежали скрижали –
Истина, Божие Слово.
В ковчеге был жезл миндальный –
Смерть, ставшая жизнью снова.
В ковчеге сосуд был манны –
Хлеб, с неба народу данный.
Ковчег был в средине стана –
С народом вблизи непрестанно.
Ковчег был путем общения,
Покаяния и примирения.
Его крышка с двумя херувимами
С наклоненными крыльями длинными
Была местом крови кропления –
Знака нашего искупления.
Там, где крылья, склонясь, смыкались,
Бог и грешник чрез кровь встречались.
Там престол Божьей милости вечной,
Пред которой, пав ниц, человечество
Обретает Его прощение!
Эти символы очищения,
Эти средства богоявления
Получили свое исполнение
В Сыне Божьем – Его рождении,
Его жизни, кресте, погребении
Там, в саду, в одинокой гробнице,
Где истории Божьей страницы
Шелестели в движении крыльев
Херувимов в пустой могиле,
Из которой Иисус ушел.
Жезл ожил, распустился, расцвел,
Плод принес – жизнь навеки по смерти!
Люди ищут ковчег, но не верьте
Этим поискам безуспешным,

Этим горестям безутешным.
Они ищут ковчег со скрижалями.
Потеряли. Им очень жаль его.
Манны нет, нет жезла миндального...
И не будет. Тот символ дальний,
Символ древний нашел исполнение:
Во Христе совершилось спасение!

Апрель 1991 г.

ПЕСНЯ СПАСИТЕЛЮ

Я пою о Тебе, мой Спаситель и Бог,
С юных лет о Тебе я пою.
Каждый выдох и вздох, каждый звук, каждый слог
Я Тебе, мой Господь, отдаю.

Путь мой не был прямым, как из лука стрела,
Искривлялся, а Ты выпрямлял.
И я дальше на свет Твой уверенно шла,
Ты ж держал, утешал, направлял.

Помоги мне дойти, претерпев до конца,
Твое имя, как факел, неся.
Удостой меня в небе святого венца,
Похвалы удостой от Тебя.

Декабрь 1990 г.

БЛАГОДАРЕНИЕ АГНЦУ

Когда звезда последняя погаснет,
Земля и все дела на ней сгорят
И лязгнет бездна ненасытной пастью,
Отец и Сын опять проговорят.

И Божий Дух, как яркая комета,
Над тьмой взовьется, как когда-то встарь,
И новая появится планета,
И на престол взойдет Спаситель-Царь.

И скажет Он, сидящий на престоле:
«Отныне Я все новое творю...
Я – Альфа и Омега, Верный в слове,
„Свершилось!“ – ныне снова говорю».

Исчезнет дьявол навсегда, навеки,
Не будет зла, что мы терпели с ним.
И с новым именем святые человеки,
Воспев, войдут в святой Иерусалим.

Там воды жизни светлою рекою
Чрез новый город понесут всем мир,
И Агнец Божий Сам Своей рукою
Невесту поведет на брачный пир.

И древо жизни, что когда-то было
Источником бессмертия в раю,
Двенадцать раз в году плоды обильно
Даст, чтобы исцелять спасенный люд.

Ни смерти и ни зла уже не будет,
Сам Агнец слезы нам с очей отрет,
И каждый горе там свое забудет,
В блаженстве вечном с Богом заживет,

Как можно при таких обетованьях
Не пасть к ногам Того, Кто мог их дать?!
И с ангелами вместе с ликованьем
Не восклицать, а может быть, кричать:

«Достоин Агнец закланный, воскресший
От нас принять все, что под небом есть:
Благословенье, славу, силу, крепость,
Благодаренье, и хвалу, и честь!»

Ноябрь 1991 г.

ПОЮТ ХРИСТИАНЕ

Не знаю, как вы, ну а я не слыхала
Нигде у буддистов, ни у мусульман
Во славу вождя их святого хорала,
Ни гимна, ни сладкого звука псалма.

Там медь и кимвалы, трещотки и четки,
Ритмичное фраз повторенье одних.
Но нет ораторий осмысленно четких,
Нет дивных напевов, глубоких, святых.

Религии мертвой вожди не сумели
На музыку неба своих вдохновить,
Чтоб люди так пели, так пели, так пели,
Чтоб дух мог от слов и созвучий ожить.

Жрецы и брамины, шаманы не могут
Так петь, чтобы песни касались сердец,
Чтоб люди от них обращалися к Богу,
Его называя по-детски «Отец».

И только Христос, Кто на крест поношенья
Вознесся, чтоб мир от греха искупить,
Такой дал заряд от Себя вдохновенья,
Что музыка славы вовек будет жить.

И песнь христианства не ведает равных.
Прощенный, спасенный поет, как никто.
В его аллилуиях, осаннах преславных
Есть отзвуки неба и жизни поток.

Те дивные звуки людей поднимают
Над всем, что гнетет, прижимая к земле.
Поют христиане, и грешник вникает,
И дух покидает и тлен свой, и плен.

Не знаю, как вы, ну а я не слыхала
В религиях мертвых стозвучный орган,
Ни Генделя труб и ни Баха хорала,
Ни гимнов, что есть у одних христиан!

Рождество 1991 г.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О, как много в Слове Божием красивого,
Тайного, уму непостижимого!
«Обратил ли ты внимание на Иова?» –
Бог спросил врага лукавого и лживого.

«Обратил ли ты внимание на Иова,
Моего раба святого, верного?
Нет на всей земле столь справедливого,
Праведного, чистого, примерного.

Непорочный и всегда богобоязненный,
Удаляется от злого наваждения...»
Но лукавый лживым тоном своим язвенным
Под сомнение поставил побуждения...

Здесь совсем иная тема начинается,
Не о том хотела речь вести сегодня я,
А о том, как пред лукавым излагается
О рабе святом свидетельство Господнее.

Всем бы нам такого слова удостоиться,
Безупречной, как кристалл, характеристики.
Так ли жизнь моя пред Богом ныне строится –
Без лукавства, зла и казуистики?

Дай, Господь, не покраснеть, не опозориться
Под наветом обвинителя неверного.
Дай такого же вопроса удостоиться:
«Обратил ли ты внимание на Веру-то?»

Июль 1988 г.

ДЕТСКАЯ ПРОСТОТА

К концу жизни сгущается знание,
Образуется квинтконцентрат,
Квинтэссенция в мире скитания –
Простота – самый высший стандарт!

Поначалу зубрилось учение,
И спасения красная нить,
Богословских умов изложения,
Эсхатологов зоркая прыть.

Чудеса разбирались по косточкам,
И подход к ним суров был и строг:
«Неужели Иону вот просто так
Кит большой проглотить целым смог?»

Но со временем все упрощалося,
Превращаясь в конечный итог,
В одно слово вся суть умещалася,
Весь закон в две-три фразы вдруг лег.

«Как себя, возлюбите вы ближнего,
И друг другу служите в любви».
Слово то применимо пожизненно.
Получай, принимай и живи!

Обращаясь, как к детям возлюбленным,
К тем, кто знает, как в зрелости жить,
Иоанн говорил: «Дети, будем мы
Всех любить и во свете ходить».

Вот и все. Как проста эта формула!
Бог тебя возлюбил – ты люби.
Не нужны ритуалы с их формами.
Холод буквы любовь погубил.

Если брата не любим, всем знаниям
Грош цена, как пустышке любой.
Дети, с пеньем пойдем и со знанием,
С детским лозунгом: «Бог есть любовь»!

Август 1988 г.

ТЕНЬ

Еккл. 7:1, Притчи, 22:1

Нетрудно на язык попасть толпе,
И стать в народе притчей во языцех.
Лишь стоит строгость сократить к себе
И даже не упасть, а оступиться.

И кто-нибудь, заметив твой спотык,
Раздует так, что можно испугаться.
И ты уже не тот, кем быть привык,
Когда не знал про важность репутаций.

И ляжет тень на имя вдруг твое,
И под сомненьем будет даже честность,
Ведь тень то забегает наперед,
То вслед ползет за нами в неизвестность.

Быть может, потому сказал мудрец,
Что имя доброе дороже лучшей мази,
Что не начало важно, а конец
Того, кто имя уберег от грязи.

Декабрь 1989 г.

«Ибо ужасное, чего я ужасался,
то и постигло меня; и чего боялся,
то и пришло ко мне». *Иов, 3:25*

Чего боимся мы сильней всего на свете?
Что нас пугает даже больше смерти?
Бездомности боимся, обнищанья,
Болезни, одиночества, скитанья,
Насилия, обид, непониманья,
Гонения, насмешек, поруганья...
Чтобы невинно нас не обвинили,
Не оболгали, тайно не судили,
Чтоб для издевки нас не обнажали,
Чтобы в лицо нам злобно не плевали,
Не били по щекам, не заушали,
Чтоб наше имя с грязью не мешали,
Чтобы венок терновый нам не свили,
Чтобы повязкой глаз не ослепили,
А после тростью голову не били.
Плетьми спины бы не полосовали,
А если б даже нас казнить решали,
Чтобы не на кресте нас распинали.
Гвоздей бы в руки, ноги не вбивали,
И желчью с уксусом не «освежали»,
Копье под ребра нам бы не вонзали,
При том сверкая гневными глазами.
Уж лучше к стенке, иль под гильотину,
Но не через ужасную картину
Агонии мучительной, публичной,
Позорной, унизительной, безличной,
Какой распятых древле подвергали
Те, кто приватность смерти попирали.
Да, вещи есть, которых с вами мы
Бежать хотели б, как бегут чумы.
Хотя, признаться, что с большой лихвой
Мы заслужили список скорбный свой.
О, слава Богу, что Иисус Христос

За нас все это кротко перенес!
Повергнутые в трепет, плач и страх,
Мы каялись пред Ним в своих грехах
И приняли Его бесценный дар:
Ту жизнь, что Он нам Своей смертью дал.
И если б за любовь мою к Нему,
За веру, верность Богу моему
Меня постигло что-то из того,
Что нас пугает более всего,
И в этом был бы явно Божий перст,
Тогда, Господь, пусть даже и на КРЕСТ!

Сентябрь 1990 г.

«**ВОЗЬМИ ПОСТЕЛЬ... И ИДИ**»

(Мф. 9:6)

Когда прикажет Бог, никак не улежаться –
«Возьми постель с собою и иди!»
Чего не мог поднять, с чего не мог подняться,
Несешь, оставив слабость позади.

Чего не мог нести, что было не под силу,
Что гнуло вниз, прижав тебя к земле,
Пушинкой легонькой, лебяжьей, милой
Несешь вперед во свете и тепле.

Все потому, что больше не один ты,
Что Бог твой руки подложил под боль.
Покрыл весь долг, все погасил кредиты,
И дал взамен ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ!

Январь 1987 г.

УПОЕНИЕ САМОМНЕНИЕМ

Петух с утра распетушился,
Узрев в себе зари причину,
Нахохлился и распушился,
Как, дескать, следует по чину.

Он вызов свой прокукарекал,
Подав сигнал к вставанью курам,
Напомнив также человеку –
Восход от этой процедуры!

А человеку тоже мнится,
Что он и двигатель, и сила
И что «вода не освятится
Без Грыця» с кровью в хрупких жилах.

И птичий двор и луноходы
Покоятся на почве зыбкой,
На их закаты и восходы
Творец глядит с небес с улыбкой.

Сентябрь 1988 г.

ЖИВОЕ И НЕЖИВОЕ

Темные, ночные волны
В лунном свете серебрятся.
На гребнях белее волны
Пены капельки искрятся.

По песку, катясь без плеска,
Кромка моря берег лижет.
Через мрак к скале отвесной
Подбирается все ближе.

Разбиваяся о рифы,
Высоко волна взлетает,
Одинокой чайки крики,
Разлетаясь, заглушает.

И никто ее не слышит
Этой ночью в лунном свете.
Как живое, море дышит,
Но без пользы вздохи эти.

Как живое, неживое,
А живое над луною.
Чайки крик живой струною
За живое взял живое.

Из надзвездного простора
Подступило утешенье.
Под луной катятся волны,
Преклонясь в благоговенье.

Декабрь 1990 г.

В АВСТРАЛИИ, НА УЛИЦАХ СИДНЕЯ...

(Правдивый рассказ английского проповедника)

Мы разбирали Библию совместно.
Делились кто свидетельством, кто знаньем.
И юноша застенчиво встал с места
И начал так свое повествованье:

«Я был в Австралии. По улицам Сиднея
Бродил без цели, смысла, направленья.
Вдруг кто-то сзади чуть коснулся шеи
И сунул в руку мне листок для чтенья.

С листка в глаза бросались четко строчки:
„Где будешь после жизни в мире этом?“
А я не знал... Пошел в отель и ночью
Все прочитал и понял до рассвета.

С тех пор я со Христом шагаю в небо,
Спасен от вечной смерти, осужденья.
В Австралии с тех пор ни разу не был,
Не знаю, кто мне дал листок для чтенья...»

Прошло полгода. На другом собранье
Друзья читали, пели и молились,
Я предложил свидетельствовать парню.
Мы с ним совсем недавно подружились.

Он начал так: «В Австралии, в Сиднее... –
Я навострил, насторожившись, уши, –
Мне кто-то сзади, чуть коснувшись шеи...»
И я понятливо кивал и слушал.

А через месяц в незнакомый город
Меня послали с проповедью Слова.
После собранья для общенья повод
Представился внизу... И слышу снова:

«Была в Австралии. На улицах Сиднея...»
На этот раз приятный женский голос
Спокойно, не краснея, не бледнея,
Почти такую ж рассказал нам повесть.

Ну, думаю, какое совпаденье!
Я в третий раз все это слышу точно!
Но если приведется быть в Сиднее,
По улицам его пройдусь нарочно.

И не прошло, представьте, даже года,
Как старший брат дает мне порученье:
«Езжай в Австралию, ведь там свобода
Для проповеди Божьего ученья».

И вот и я в Австралии, в Сиднее,
По улицам брожу, людей не зная.
Вдруг кто-то сзади чуть коснулся шеи,
А я ту руку сразу же хватаю.

В руке листовка, в ней вопрос знакомый:
«Где будешь после жизни в мире этом?»
И тут мне горло сшнуровало комом –
Почуял разрешение секрета.

«Я умственно отстал, – сказал мужчина, –
Писать, читать, простите, не умею,
Христос Спаситель вырвал из пучины,
И я пошел по улицам Сиднея.

Не знаю, есть ли польза от стараний,
Никто сюда ко мне не возвращался.
Да и не важно, я для Бога странник,
Ему по гроб служить я обещался».

Я рассказал ему об обращеньях,
Через его листки спасенных овцах.

И слезы благодарного смущенья
Катились по щекам у незнакомца.

Мы обнялись и плакали открыто.
Мне все понятней стало и виднее.
Сокровище мое было зарыто
В Австралии, на улицах Сиднея.

Сентябрь 1990 г.

«Самое здоровое упражнение – ходьба»
Reader's Digest

«И ходил Енох пред Богом» *(Быт. 5:22)*

ПОУМНЕВШИЙ

В красной куртке, в серых шортах, синей майке
По утрам для моциона он бежит
По дорожке, по дорожке, по лужайке,
Потому что он здоровьем дорожит.

А когда-то, а когда-то, а когда-то
Ел и пил он и калорий не считал,
Пока сделался мясистым и пузатым,
На подъемах с затруднением дышал.

И тогда, последствий жутких испугавшись,
Он урезал своей пищи рацион,
Куртку красную надел и, разбежавшись,
Совершает ежедневный моцион.

С той поры с восходом солнца, на рассвете,
Куртка красная летит, пугая птах.
Это он несется в гору, словно ветер,
На упругих, укрепившихся ногах.

Грудь его вдыхает воздух без заминки,
Спал и твердым стал расхлябанный живот,
Если б мне сразиться с ним на поединке...
Ох, боюсь, что он меня переживет.

Иногда мы о здоровье забываем,
В небрежении как тело, так и дух,
Но не поздно спохватиться, это зная,
Пока свет в глазах навеки не потух.

Слово Божие к здоровью духа строго,
Нам советует за ним всегда следить,
Говорит нам, что «Енох ходил пред Богом»,
Так начнем пред Богом все ХОДИТЬ!

Январь 1990 г.

СМЕРТЬ ДЕРЕВА

Живучий плющ на юге, как на севере,
К стволу южанки пальмы присоседился.
Ему ползти дано, а он о дереве
Всю жизнь мечтал и рослым стать надеялся.

Сперва вокруг ствола венок приземистый
Он свил. И пальме это даже нравилось.
Ствол у нее нагой, лишенный зелени.
А плющ, казалось, исправлял неправильность.

«Пускай растет, – сказала пальма весело. –
Пускай ползет, цепляется, курчавится...»
Сама же ветви по ветру развесила,
Не чувствуя, как соки убавляются.

Сначала ею даже любовалися.
Чужая зелень выглядела собственной.
И ветви пальмы издали казалися
Плющевых листьев продолженьем родственным.

Но день настал, когда ростки плющевые
Защекотали подбородок пальмовый.
В тот день закат бросал лучи багровые
Зловеще, словно огнемет напалмовый.

И почему-то пальма не ответила
На щекотанье хохотом заливистым.
Она, бедняжка, наконец, заметила,
Что сделал плющ ползанием извилистым.

Уверившись, что лишь на хрип приглушенный
Способно горло в жалком состоянии,
Она взмолилась: «Боже, вырви душу мне
Из дьявольского к жизни прирастания!»

Осень 1990 г.

ДОМ ТАМ, ГДЕ СЕМЬЯ

На буфете и на самоваре
Утренние зайчики лучей.
Тикают часы с сердцами в паре,
И любовь друг к другу горячей.

Друг ко другу, к этому уюту,
К этому обжитому углу,
Что родным здесь стал нам почему-то,
Здесь, где б не пристало быть теплу.

Ведь лучистый зайчик на чужбине,
На чужбине русский самовар,
И над ним березки на картине,
А под ним подноса медный жар.

Ведь не зря в народе говорится,
Что твой дом там, где твоя семья,
Где друзей приветливые лица,
Там, где похоронена родня.

И такой бесхитростный критерий
Отвечает полностью и нам,
Потому, забыв про все потери,
Радуемся утренним лучам.

Сентябрь 1989 г.

ПАХАРЬ

Поля чернеют посевные.
Землею пахнет их распах.
И линии борозд прямые
Легли, как складки шкуряные,
На черепах у черепах.

У пахаря в потертых джинсах
В поту подмышки, грудь и пах.
Он навсегда с землею сжился,
Она в его мельчайших жилках,
В душе под курткой нараспах.

С надеждою на ранний дождик,
На солнце, ветер, скромность птах,
Работник топчет подорожник,
А поросль гладит осторожно,
С улыбкой тихой на устах.

Его достоинство – терпенье!
Зерно притихло в бороздах.
Он видит – будет награжденье,
И щедрой жатвой упоенье
За то, что сеял с наслажденьем
Зерно, а не на ветер – прах...

Апрель 1989 г.

МЫСЛИ НА ЗАКАТЕ ДНЯ

На горах, на горах солнца розовый блеск
От лучей уходящих заката.
Так уйду я когда-то, как солнце за лес,
И останется след розоватый,

Не пылающий ярко, как пламя огня,
Что горел в моем сердце когда-то,
А как гаснущих бликов прохладного дня,
Догорающий свет розоватый.

След останется теплый, заметный едва
На сердцах у сестры и у брата
От души моей, влитой в стихи и слова,
Тихо тлеющий след розоватый.

И когда я приду в неземные края,
Я не буду смотреть виновато,
Ведь искуплена кровью вина вся моя –
Ярко-красной, а не розоватой.

Декабрь 1989 г.

БЕГОНИЯ

На крылечке старая бегония
В глиняном, надтреснутом горшке.
То не смерть – предсмертная агония:
Жизнь висит на тонком волоске.

Лепестки белесо-малокровные,
Артритично согнут черенок;
Узелки, где были ветки ровные;
Корень тихо точит червячок.

Где ж, скажи, твои цветочки алые?
Где упругий стан, манящий вид?
Контуры, усталые, завялые,
Тянет вниз к себе земли магнит.

Ты дрожишь от ветерка малейшего,
Корчишься от капелек дождя.
Подержу тебя еще, милейшая,
Погребу немного погодя...

Помнишься мне алою бегонией
С темно-бурой, сочною листвой.
Извела меня своей агонией,
Душу рвет беззвучный голос твой.

Январь 1989 г.

ЦИКЛ ОСЕННИХ ПОЛУСОНЕТОВ

Остались только хризантемы
На грядках, где росли когда-то
Гвоздики, розы, маки, мята,
Даруя для поэмы темы.

А ныне нету больше цвета –
Все сухо, все лежит примято, –
А тема для полусонета.

* * *

Янтарный клен с багровым переливом
Всю улицу покрыл своим ковром,
Старушка с веником и мусорным ведром
Не поспевает справиться с наплывом.

В садах созрели смоквы и гуавы,
Хурма, гранаты, виноград и сливы,
И расцвели столетние агавы.

* * *

На стрелы красные алоэ
Луч солнца устремился косо.
На камне золотое просо
Рассыпано неровным слоем.

Здесь кто-то раненько пришел,
Смахнул покров смолистой хвои
И птицам приготовил стол.

* * *

С крыши падают капли с утра,
Без дождя увлажняется крыша.
Капли звонкие где-то заслышав,
Кот напиться спешит из ведра.

Он ночной. Он всю ночь прогулял,
Знает – в дом возвратиться пора,
Где покой ему кресла сулят.

* * *

В Карибском море, разгулявшись,
Три дня бушует ураган.
Силен, как грубый хулиган,
Громящий все, распоясавшись.

Дома заколотили люди,
С добром на время распрощавшись,
Махнув рукою: «Будь, что будет...»

* * *

Перед рассветом очертанья
Далеких гор едва заметны.
На небе алые просветы –
Восхода робкие метанья.

Шуршит листвою сикомор
От ветра нежного дыханья,
И будит птиц нестройный хор.

* * *

Пожар сжигает заповедник –
Горит природа год за годом.
Такое бедствие природы
Не остановит проповедник.

Прижался к дереву олень
Вплотную с волком и медведем,
И белки облепили пень.

* * *

Кончая цикл моих полусонетов,
Не обойду Божественный мотив,

Хотя осенний, может быть, красив,
Небесных ноток в нем почти что нету.

Да, осень… Цвет у туч свинцовый,
Но для меня сияет вечным светом
Завет, что в Библии зовется «Новый».

Сентябрь 1988 г.

ЭЛЕГИЯ

Вплотную с кладбищем дома –
Выходят окна на могилы.
Здесь жизни свет и смерти тьма
Рядком соседствуют премило.

Жильцы различных тех жилищ
Давным-давно уже не спорят
О том, кто здесь богат, кто нищ,
И жены в мире или в ссоре.

Осенний у забора клен
Листочки поровну рассыплет:
Живым – на крышу и балкон,
А мертвым – на кресты и плиты.

Пуховым одеялом снег
Ландшафт беззвучно уровняет.
Так в нашей жизни плач и смех
Границ отчетливых не знают.

И от рождественских венков
Рукой подать до похоронных...
Вплотную – кладбище и дом,
Как двое родственников кровных.

Декабрь 1991 г. – январь 1992 г.

ГОТОВА К РОЖДЕСТВУ

«Вот и готова, – сказала она, –
К празднику елка, подарков полна...»
Села устало на миг почитать,
Вскоре же начала носом клевать.

Голос послышался Чей-то во сне:
«Все ли готово? Скажи-ка ты Мне.
Все ли готово, коль только вчера
Ты мимо друга надменно прошла?

Все ли готово, коль в сердце разбой?
Может, пусть Бог твоим будет Судьей?
Как же Младенец войдет, чтобы жить
В сердце, где «я» на престоле сидит?

Все к Рождеству приготовила ты,
Верно, но в сердце твои же мечты.
Мнишь, что готова, но тесен твой круг.
Ты не готова совсем к Рождеству!»

Вмиг пробудилась в сомнений огне:
«Времени мало осталося мне!
Отче, прости! Вижу смысл Твоих слов:
Больше, чем блеска помытых полов,

Больше подарков и окон в огнях,
Хочешь Ты чистой души от меня!»
Тот, кто избавлен от зла и грехов,
Праздник и Господа встретить готов.

С англ. 1988 г.

ДВЕ РОДИНЫ

(Пс. 109:9)

Есть родина земная. Это мать,
Что нам дала родные корни где-то...
Мы не забыли первую кровать,
Ни первую тетрадь, ни стенгазету.

Там были наши первые слова,
И первые шаги, и первые мечтанья,
Жюль Верна, Чарской первая глава
И музыкой до слез очарованье.

Все это было где-то там давно
И где-то глубоко щемит нам душу.
Но лучшее предопределено
Нам было на чужбине... После пушек,

Среди еще дымящихся руин,
И полного распада и развала,
Когда, как пораженный исполин,
Иная родина с колен вставала,

Ей, недобитой, было суждено
Стать родиной (уже не в смысле строгом),
Когда у ее ног, раздавленных войной,
«Аусленлеры» в слезах встречались с Богом.

О милости Господней глубина!
«Не до конца Всевышний негодует».
За тех детей, что унесла война,
Он Сам детей духовных ей дарует.

Страною той была Германия
Для тысяч обездоленных изгоев,
Кого возврат домой пугал, как мания,
Кто для своей души искал покоя.

В скитальческих казармах-лагерях
Благая весть им возрождала души.
И в это время там была и я.
Мне родиной была Германия
Духовною, которой нету лучше.

Ноябрь 1990 г.

ЗИМА В КОРНТАЛЕ

Снег опустился, словно пух,
На землю, невесом,
Как сходит в наше сердце Дух,
Когда родимся в Нем.

Не слышен и неуловим,
Но животворно благ.
И в тишине, рожденной им,
Приглушен каждый шаг.

Беззвучен плач, придавлен стон,
В устах молчат слова.
И ратуши далекий звон
Доносится едва.

Но после этой тишины,
Где немы плач и смех,
Мы вдруг душой обновлены,
Чисты, как первый снег.

Как снега невесомый пух
Летит беззвучно вниз,
Так, тело покидая, дух
Взлетит когда-то ввысь.

Декабрь 1990 г.

ВОСПОМИНАНИЕ

Пришла пора двойных оконных рам.
За ними спят, согревшись, старожилы.
А я и тут гуляю по утрам,
Вгоняю кровь в стареющие жилы.

Хрустит ледок под твердою ногой.
На крыши лег пушистым слоем иней.
А в сердце «колокольчик под дугой...»
И снег в сугробах серовато-синий.

За много лет тропической зимы
Мы о родной все чаще вспоминаем.
Но почему привязаны к ней мы,
Пожалуй, сами хорошо не знаем.

Спит мирно приозерный городок.
Я на рассвете по нему шагаю.
Иной снежок, и иней, и ледок
Иной зимы невольно вспоминаю.

Декабрь – январь 1992 г.

НОВЫЙ ГОД

У Нового года сплошные секреты –
Таинственно замкнутый дух.
Не даст наперед на вопросы ответа,
Как будто бы нем он и глух.

Пойдем за порог – перед нами тропинка
И свет на один только миг.
И эта ничтожная знанья крупинка
Достаточной будет на сдвиг.

И тихо, на ощупь, ступая по вере,
Пойдем за ведущим огнем,
Как шли мудрецы к неизвестной пещере,
Упорно уверены в нем.

И звездочка света при зернышке веры
Достаточной будет вести
Сквозь горы, долины и буйные ветры
Вперед, к завершенью пути.

И только с таким абсолютным доверьем
Решайся в год новый вступать,
Дается оно тем, кто ищет, по вере
В Христа и Его благодать.

Новый год 1991-й

ЗАСУХА

Земля умоляюще просит дождей,
Иссохшие руки скрестила в моленье,
Как милости просит народ у вождей,
Уже научившись ходить на коленях.

Листы сикомора шуршат в декабре.
Их ветер под ноги прохожим швыряет.
Как будто бы осень стоит на дворе,
А тут Дед Мороз по панели шагает.

Цветные огни на домах и кустах,
И город притворно играет в Сочельник.
А солнце с утра утопает в лучах,
И дождь свое дело оставил, бездельник.

Три года подряд сухота и жара
Стоит и зимою, как надо бы летом.
И глядя на синее небо с утра,
Не слышит земля на моленья ответа.

В морщинах и трещинах руки земли
Протянуты к небу в безмолвном моленье ...
И если бы мы без воды жить могли,
Христос не сравнил бы с водою СПАСЕНЬЕ.

Декабрь 1989 г.

ПАМЯТЬ О ДРУЖБЕ

(Песня)

Когда, за какие услуги
Ей кто-то цветы преподнес?
Остались на память о друге
Сухие бутончики роз.

Друзей было много сердечных,
Их круг расширялся и рос,
Но связи земные не вечны.
Засохли бутончики роз.

Исчезло все то, что не нужно.
Скромней стал на многое спрос.
Осталися в память о дружбе
Сухие бутончики роз.

Их в вазочке долго хранила,
Но вот возникает вопрос:
Зачем разбросать поручила
На холмике свежей могилы
Сухие бутончики роз?

Декабрь – январь 1992 г.

ПЕРЕЛОМ

Я березовый крестик поставила
На могилке ребеночка первого.
Я на ней мою юность оставила,
А в душе было что-то перервано.

Навсегда было что-то нарушено,
С чем-то было навеки покончено,
Расползлося наивности кружево,
Становяся все тоньше и тоньше.

И с тех пор я не крепко держалася
За прекрасные свыше даяния,
Чтоб быстрее рука разжималася,
Если Бог посулит расставание.

И когда мне встречалося сложное,
Я молилась, в душе волновалася,
Но уже принимала, как должное,
То, что раз навсегда оборвалося.

Октябрь 1990 г.

БЫЛО НЕКОГДА

Мне было некогда от корки и до корки
Читать энциклопедию на полке;

Прослушать все концерты, все куплеты,
Пластинки все и аудиокассеты;

Все книги прочитать в библиотеке,
Запомнить ярлыки микстур в аптеке;

Ответить на все письма и приветы,
Попробовать все торты и конфеты;

Увидеть семь чудес, все континенты,
Поплыть на пароходе вокруг света;

Увидеть все восходы и закаты,
Все шалаши, и хижины, и хаты,

Дворцы, музеи, стеллы, мавзолеи,
Все парки, карусели и качели...

Мне было некогда (а жизнь все дальше мчится)
Со взрослыми детьми наговориться

Не на ходу, не в праздник при застолье,
Не на похоронах вприкуску с болью,

И не по телефону в «три минуты»,
Все главное забыв и перепутав.

Мне было некогда. Всегда была работа
До стресса в голове, седьмого пота.

И церковь, посещенья и собранья,
И отклики на чье-нибудь страданье.

А дети, внуки, занятые тоже,
Разъехались, кому куда угоже.

И некогда нам посидеть гурточком
С внучатами и сыном или дочкой

По-настоящему, для искренней беседы,
Обмена мнений, как когда-то деды...

Боюсь, чтоб на «плите» не написали:
«Ей было некогда. Ее мы плохо знали».

20 марта 1991 г.

ОСТАВИЛ ВСЕ

Хоронили пышно богача.
Тысяч десять в это дело вгрохали.
Покрывала гроб его парча,
И за деньги плакальщицы охали.

Любопытных ротозеев рать
Пыль взметала на ходу дорожную.
«Вот умеют люди умирать!» –
Восклицали меж собой восторженно.

«Вот уж кто богатство приберег
Для своих наследников, наверное!
Интересно, что оставить смог
Им на память о себе посмертную?»

Рядом шел мальчишка «с ноготок»
И сказал на речи несусветные:
«Все оставил, все, что приберег,
Все свои сокровища несметные».

Март 1991 г.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ

(Памяти матери)

Утром, в сентябре, лет пять назад
Ветви от плодов в садах отвисли.
Тяжесть век не подняли глаза.
Мать ушла… Скорблю от этой мысли.

Мне твердят: «Пора уже забыть,
Все уйдем, все „там“ когда-то будем,
Старых ран не нужно теребить.
Теребя, воспоминанья будим».

Кажется, она вот где-то тут –
В отдаленье телефонной трубки.
Ее вещи мне дарят уют,
Делая на памяти зарубки.

Помню ее сильной, молодой,
Бесконечно доброй, безотказной.
Помню в голод «фокусы» с едой,
Очень скудной и однообразной.

Помню песен колыбельных звук,
Градусники, банки и компрессы.
Помню теплоту, проворность рук,
Одним махом расслаблявших стрессы.

Помню ее веры глубину,
Широту страдающим служенья,
Благородства духа вышину,
Сердца емкость, знаний накопленья.

Многое, по милости небес,
От нее ко мне пришло по генам.
Жаль, не все… Есть крен и перевес
Своего чего-то в моих венах.

Богу благодарна за нее,
Ту, что стала матерью моею.
Чаю воскресения ее,
Чаю дня, когда увижусь с нею.

А пока то утро в сентябре
Будет вызывать, как на экране,
Матери головку в серебре,
Рук тепло на незажившей ране.

Апрель 1991 г.

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ

При свечах, сияющих празднично,
Я свою заменяю мать.
Мне детьми наперед заказано
Повесть древнюю им читать.

Я, уставшая, поседевшая,
Постаревшая, как она,
Сквозь очки, слегка запотевшие,
Прочитаю ее сполна.

А в душе отголоском режущим
Дебри памяти, как кастет,
Будет голос знакомый с нежностью
Говорить о движенье лет.

Не осталося ее сверстников.
Незаметно сменился страж,
И уже у ее наследников
За плечами солидный стаж.

Моему дано поколению
Эстафету вперед нести,
И ту повесть, святую, древнюю,
Передать, сохранив в пути.

Поколения, поколения...
Время движется – не догнать!
Книгу жизни открыв, в смирении
Буду внукам ее читать.

Рождество 1991 г.

ТАНЕ В.

(К 30-летию)

В твой первый день рожденья на чужбине,
В кругу семейном и в среде своих,
Не думай, что забудешь куст рябинный
И лип ряды в твоих краях родных.

Весной, когда в субтропиках зеленых
Верба, как дома, почки распушит,
Ты вспомнишь детство, школу и знакомых,
И девочку, что на урок спешит

Через поля протоптанной тропинкой,
Косичкою размахивая в такт...
Не бойся слез с соленою горчинкой
При мыслях о далеких тех местах.

В них нет греха. Грех только в перегибах
Привязанности к радостям земным.
Мы – дети неба, и за то спасибо,
Что сделалось оно для нас родным.

В твой на чужбине первый день рожденья,
Воспоминаний добрых не стыдясь,
Прославь Христа за воссоединенье
С твоей семьей и продолжай служенье,
В котором с Ним всегда живая связь.

Октябрь 1993 г.

ОТВЕТ – АКРОСТИХ М. ЮППУ

Юдоль земная – наша атмосфера.
Предложен путь в иное бытие.
Прямой и узкий там, где компас – вера,
Узласт, извилист там, где нет ее.
Стихи слагать не всем дается.
Перу поэта нужен свыше свет,
А вот у Юппа стих свободно льется,
Свивая тонко рифму, ритм, сюжет,
Изволил и меня почтить посланьем.
Благодарю за сердца излиянье,
Ответный шлю в стихах ему привет.

Февраль 1993 г.

К ЗОЛОТОЙ СВАДЬБЕ

(Шагаровым)

Золотое кольцо на руке жениха и невесты –
Эти символы нам хорошо спокон века известны.
Это – замкнутый круг: безначальность течет в
бесконечность.
А металл – знак нетленья – с намеком на вечность.
Может быть, потому есть обычай колец обручальных.
В нем сливается смысл обещаний пред Богом венчальных.

Вы рукою в руке прошагали полвека совместно.
Пережитое вами нам было знакомо, известно.
Все преграды пути верой в Вечного вы победили.
Вечность в сердце носили и детям ее подарили.
Вечность брачного счастья в примере Иисуса и Церкви.
Годы шли, а ее огоньки и во тьме не померкли.
Вот и ваше сияет сегодня семейное счастье,
Отражаясь в глазенках детей и внучат и в ненастье.
Пусть хранит вас Христос, зло с дороги семейной сметая.
Вы навек повенчались, и свадьба у вас – ЗОЛОТАЯ!

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ

Пс. 89:10

То не слух, не поклеп и не злостный навет,
То реальность и правда святая –
Николаю Водневскому семьдесят лет!
В серебре шевелюра густая.

А ведь только недавно, коль ты не забыл,
Помнишь, были и мы рысаками,
И строчили стихи, не жалея чернил,
И, читая, махали руками.

Помню, как «Наши дни» начинались тобой,
Я стихи тебе в них присылала.
И за каждую строчку вела с тобой бой,
И боев тех бывало немало.

Было трое тогда мастеров звучных лир:
Родион, Николай и Владимир.*
Но явилась откуда-то Вера Кушнир
С молодыми стихами своими.

Лишний голос тогда никому не мешал,
Мы дружнее запели квартетом...
И поныне звучит гармоничный хорал
Славы Богу из сердца поэтов.

Путь приходит к концу. Разве это секрет?
Родион стал певцом райских песен...
Николаю Водневскому семьдесят лет!
Он сегодня повсюду известен.

Потрудился немало и трудится все
Неустанно, Христом управляем.
Пожелаем ему потрудиться еще.
С юбилеем его поздравляем!

1991 г.

---

* Березов, Водневский, Кузьменков

НИКОЛАЮ ВОДНЕВСКОМУ

(Памяти Шуры)

Закатилося солнце,
И небес бирюза
Потемнела багрово.
С горьким привкусом солоно
Покатилась слеза...
Проступил лик суровый –
Закатились глаза...

Говорили в народе:
Нету горя больней,
Чем у старца седого
Сына смерть первородного,
(С кем все связи тесней),
Молодого, родного,
Сына юности дней...

Что скажу тебе, братец?
Чем утешу тебя?
Малышей хоронила,
Но поныне мне плачется,
Когда вспоминаю то я,
И детей тех могилы
Носит память моя.

Над твоею душою
Разразилась гроза –
Потемнело и сжалося
Сердце, сплошь сокрушенное,
А Христовы глаза
Уже сына встречали
Там, за гранию, за

Той могильной чертою,
Где негаснущий свет,

Где бездомное чадо
Обладает чертогами
После горя и бед
И где больше не надо
Ждать на вопли ответ.

Первородного Сына
Отдал миру Отец,
Чтобы жертвой Сыновней
Тою кровью, что хлынула,
Грех смывался с сердец.
И под этою кровью,
И под этой любовью
Шурин ранний конец.

Январь 1990 г.

РАЗНЫЕ

(Гале О.)

Тебе неспокойно, тебе одиноко,
А мне – хоть бы хны, хоть бы что.
Всевидящим оком, всезнающим оком
Хранит меня Счастье мое.

Ты звуков и шорохов всяких боишься,
Пугаешься тени своей.
А мне хоть бы что! Даже призрак из ниши
Мне кажется добрых добрей.

Тебе б все на людях, тебе б все при ком-то,
А мне бы подальше от всех.
Безмолвие и полумрак моих комнат
Милей мне житейских утех.

Видать, потому от моих «Ах, да брось ты!»
Не легче тебе, ни теплей.
«Легко говорить тебе!» – буркнешь ты просто
С обидой в изгибе бровей.

Понять бы друг друга, войти в положенье,
Упреков пустых не даря.
Прости ж мне медвежье мое обхожденье.
Мы разные. Ты ж ведь не я!

Июль 1990 г.

65

Ты повторила весело опять,
Хотя от жизни мало что осталось,
Что не страшат тебя 65,
И грозная, безжалостная старость;

Что от твоих серебряных седин
Ты только еще больше поумнела
И опыт обрела, и день один
Из прошлого вернуть бы не хотела.

В согласье стопроцентном в чувстве том,
Тебе лишь одного я пожелаю:
Иди вперед до встречи со Христом,
На седину и старость не взирая,

Поднимемся с тобою, как орлы,
Расправив крылья, полетим к высотам,
Где сглажены все острые углы
И места нет обидам и заботам.

Простим обидчиков, прощенья попросив
У тех, кого обидели мы сами,
И с пением взойдем в Иерусалим,
В тот новый город, что над небесами.

7 июля 1993 г.

СЛАВЯНСКОМУ ОЧАГУ БЛАГОВЕСТИЯ К СОРОКАЛЕТИЮ

Моя первая церковь на новой земле
С необычным названьем «Славянский очаг
Благовестья»*, но стал и семейным он мне,
Когда принял в число Божьих избранных чад.

Благовествовал Павел Рогозин тогда.
Его слово, я верю, зарядку дало
Не на дни или месяцы, а на года,
Когда в сердце на добрую почву легло.

Жажда Бога и знание Слова Его
Пробудились и, знаю, никто здесь не чах
У стола благовестья евангельского
В доме Божьем с названьем «Славянский очаг».

То названье «Славянский» открыло для всех
Широко, нараспашку и дверь, и сердца.
Здесь украинец, русский, поляк или чех
На наречье своем мог прославить Творца.

Не без трудностей годы служенья прошли.
У славян не бывает, чтоб было без них.
Но мы милостью Божьей все перенесли,
Простираясь вперед, дней не помня лихих.

Здесь служили другие потом пастора.
Каждый много вложил в дело общее сам.
Здесь росла и мужала у нас детвора,
И сегодня она на пути к небесам,

Очень много трудился здесь Кузичев, брат,
Он учился сперва, а потом и учил.

---

* «Славянский очаг благовестия» – оригинальное название, данное братом Павлом Иосифовичем Рогозиным, первым пастором нынешней славянской баптистской церкви в Голливуде.

И поныне учить и трудиться он рад
До конца, не щадя ни здоровья, ни сил.

Срок библейский прошел: сорок лет – юбилей!
Мы сошлись его праздновать новой семьей.
Вкруг Христа съединимся тесней и дружней,
Сохраняя святое наследье свое.

Слезы радости пусть заблестят на очах,
Благодарность Христу пусть в сердцах до краев,
Чтоб Грядущего встретил «Славянский очаг»,
Полный верных Ему дочерей и сынов.

Ноябрь 1992 г.

КЛЕНОВЫЕ МЕЧТЫ

Парусами белыми раздулося
Среди сада зелени белье!
А кленочек молодой задумался,
Замечтался про житье-бытье.

Осенью он золотом оденется,
Временною роскошью земли.
А сейчас весна, и он надеется
Побывать, где ходят корабли.

Парусами набухают простыни,
Полотенца реют, как флажки.
Мачтами на фоне неба просини
Кажутся колготки и чулки.

Размечтался наш кленок, задумался,
Стоя близ белья в саду весной.
Парусами простыни раздулися
Над его зеленой головой.

Апрель 1992 г.

ОСЕННИЕ РИФМЫ

По клена листьям пятипалым
Ступала бережно нога.
Их самоцветность дорога –
Рубины, золото, кораллы...

Вся крона с дерева опала,
И мантия скатилась с плеч,
Чтоб у ствола покровом лечь –
В объятья огоньков опала.

Сдаваясь, осень уступала
Зиме свои права на срок.
Идя на спячку, как сурок,
В косых лучах пейзаж купала.

Но тень вечерняя упала –
За кромкой туч погас закат.
И краски больше не пестрят.
Очарование пропало.

Ноябрь 1992 г.

ОСЕННИЕ КАРТИНКИ

Бронзовым дождиком падают желуди
С калифорнийских дубов,
По водосточному катятся желобу
С крыш невысоких домов.

Сыплются листья с ползучей вистерии,
Желтым стелясь ковром.
Осень открыто, без тени мистерии,
Всем завладела двором.

Вновь хризантемы цветут прошлогодние.
Поздних настурций огни
Ярко пылают на хвойном угодии
Влажной сосновой тени.

Старая смоква последним усилием
Жалких, усталых потуг
Прячет стыдиво плоды темно-синие
В сетке извилин и дуг.

Плачут тихонько хрустальными каплями
Крыши покатой края.
Каллы высокие белыми цаплями
На одной ножке стоят.

За горизонт золотыми закатами
Дни, перейдя в вечера,
Кротко уходят... Волнами-накатами
Свет их плывет по горам.

Осенью чаще душа сокрушается,
Жизни подводит итог.
Что-то теряется, что-то кончается,
Ширится вера, растет, углубляется,
Ближе становится Бог.

Сентябрь 1993 г.

ВИДЕНИЕ

Уже, казалось, прошлое забыто.
Я полюбила пальмы, лавры, мирт
И пряности, растущие открыто,
И всех сортов пахучий эвкалипт.

От эвкалипта пахнет скипидаром.
Закрыв глаза, стою в его тени.
Вдруг вижу детство – я в постели с жаром –
И слышу: «СПИ, ДИТЯ МОЕ, УСНИ...».

То мать поет, мелодию придумав
На текст, что был в ее душе храним.
До носа укрывает, чтоб не дуло,
Мурлыча: «СЛАДКИЙ СОН К СЕБЕ МАНИ...».

Натерла грудку, и не душит кашель,
Губами лоб проверив, отошла.
И пенье уже слышится чуть дальше,
Но внятно: «В НЯНЬКИ Я ТЕБЕ ВЗЯЛА...».

С отцом в сговоре перешла на шепот,
Постель раскрыла и в нее легла.
Но все еще глухой доходит рокот
Той песни: «СОЛНЦЕ, ВЕТЕР и ОРЛА...».

А мне казалось, прошлое забыто
И жизнь к закату катится, как шар...
Как вдруг в тени пахучей эвкалипта
Воскресло детство, мать и скипидар.

Январь 1993 г.

ЛЕТНЯЯ РАДОСТЬ

Кипарисовым стройным забором наш сад обрамлен.
После щедрых дождей бархатист изумрудный газон.

Из кувшина у феи на лилии брызги летят
От струи, что разбилась о камень, зажатый в бетон.

Синева васильков породнилась с небес синевой,
И колибри парит, целясь клювом в душистый бутон.

Смоква вся в молодых и еще несозревших плодах,
А под ней, вестник осени близкой, пунцовый пион.

Помидоры алеют в тени под густою ботвой.
Кабачок без усилий взрастил свой зеленый «батон».

Птица синяя села спокойно в тарелку с едой.
И давно воробей своим домом считает балкон.

Сколько лет или дней подарит нам на старость Господь?
Тот вопрос на совете предвечном Его предрешен.

Чувств избыток пролился из сердца хвалебным псалмом:
Слава Богу за все! Это Он! Это Он! Это Он!

Июль 1992 г.

В ГАМАКЕ

Под ветвистой сосною приятно лежать в гамаке.
Звон эоловой арфы звенит где-то там, вдалеке...

Тихим днем хорошо отдыхать, и мечтать, и писать
После трудной работы в цветущем саду, в холодке.

Строчки сами ложатся на лист, предо мною стелясь,
И, родившись в душе, отдаются охотно руке.

Светел мысли полет, и широк ее крыльев размах,
И уверенно, смело летит она ввысь налегке.

Не до прозы душе. Вся в поэзии нынче она.
И пульсирует ритм, как волна на горячем песке.

Где-то там города, суета и нужда, и беда...
Здесь же рая кусочек в моем под сосной гамаке.

Июль 1992 г.

ВЕРНИТЕ МУЗЫКУ СТИХАМ

Иногда, забывая певучесть и музыку слов,
Мы плодом увлекаемся наших немудрых голов.

Только б что-то сказать, незатейливой рифмой прикрыв,
Не считаяся с тем, что серьезный читатель суров.

Терпелива бумага, еще терпеливей перо,
Потому и приносим так много незрелых плодов.

Всяк в поэты спешит угодить без усилий и слез,
Без бессонных ночей, без упорных над рифмой трудов.

Повторяют чужое, свое не умея создать.
Как блины, то пекут, чему быть бы нектаром богов.

Мы – избранники неба, и тема у нас высока.
Повенчаем же с музыкой тему духовных стихов!

Июль 1992 г.

НА ОЩУПЬ

(Венок полусонетов на злобу дня)

I

Где абсолютных истин нет,
Там света нет в конце туннеля.
И проводник «мели-Емеля»
Народ слепой ведет в кювет

Чрез лес дремучий или рощу.
Но там, где серый волк – сосед,
Там только ползанье на ощупь.

II.

Там только ползанье на ощупь
С болотом зыбким под ногой.
Взор напряжен, спина дугой,
В душе мечта о твердой почве.

И убеждается воочью,
Что стал лукавого слугой
Над краем бездны темной ночью.

III.

Над краем бездны темной ночью
С инструкцией на рукаве,
Без указаний в голове,
Не относительных, а точных,

Он не отыщет Божий след,
Коль тот покинут был нарочно,
И нереально слово «свет».

IV.

И нереально слово «свет»,
И жизнь без смысла и значенья.

Основ лишенное ученье,
Как без гарантии завет.

Угрюмо там, темно, сурово,
И тучами закрыт рассвет,
Где веры нет в Творца живого.

V.

Где веры нет в Творца живого,
Там все пути ведут в тупик.
Ребенок, юноша, старик –
Все дня страшатся рокового...

Сработал диавольский навет.
Непроницаемым покровом
Последний заслонен просвет.

VI.

Последний заслонен просвет,
Исчез надежды лучик бледный,
Ушел за горизонт бесследно,
Послав последний свой привет.

Темно и пусто всюду снова,
На крики, вопли эха нет,
Раз не было «в начале Слово».

VII.

Раз не было «в начале Слово»
У ослепленного вождя,
Он шел, куда глаза глядят,
И уводил с собой другого.

Манил надежды тихий свет,
Но он искал пути кривого,
Где абсолютных истин нет.

Магистрал

Где абсолютных истин нет,
Там только ползанье на ощупь
Над краем бездны темной ночью,
И нереально слово «свет».

Где веры нет в Творца живого,
Последний заслонен просвет,
Раз не было «в начале Слово».

Май 1983г.

ОПЯТЬ К СОНЕТУ...

(Серия сонетов на разные темы)

Опять к сонету тянется рука,
Влекомая его размером строгим,
Желая прикоснуться к родникам,
Дарованным сравнительно немногим.
И рифму с мыслью тонко повенчав,
Еще раз, пока в легких есть дыханье,
Стихом воспеть Начало всех начал,
И волн Святого Духа колыханье.
Они несутся за волной волна –
За благодатью благодать приходит.
Душа полна, удовлетворена
И строчку за строкой легко выводит.
Струится сам из-под пера сонет,
Словами отражая высший свет.

ВСЮ ЖИЗНЬ ИСКАЛА...

Всю жизнь искала Божьего лица.
Искала света в темноте земной.
Она порой сгущалась надо мной,
Сжимая хватку своего кольца.
Бывало непосильно тяжело,
Рыдание сводило скорбью рот,
Но где-то впереди светился Тот,
К Кому меня настойчиво влекло.
Под споров гул о разных мелочах
Я ввысь рвалась за светом на пути,
Боясь трясин, и паутин, и тин...
И этот, леденящий жилы, страх
Толкал меня к Тому, Кто кроток, тих
И ВСЕМОГУЩ в сияющих лучах!

ОН ТОЛЬКО ПРАВДУ ГОВОРИЛ...

Он только правду говорил всегда.
«Кто обвинит меня в неправде?» – вызов встал
Тем, перед кем вокруг Него тогда
Народ весь раболепно трепетал.
«Был искушен во всем, кроме ГРЕХА».
Греха тончайшей сатанинской лжи,
Которая, как лопасть лемеха,
Врезается подспудно в нашу жизнь.
От лжи исходят все наши грехи.
Ложь – это беззаконье, зло из зол!
Ей зверь – отец, не просто, но архи,
И ложь – его позорный «ореол».
Сын Божий непричастен ко ГРЕХУ,
К любому, но особенно к тому,
Который повергает душу в тьму.

БЫТЬ МОЖЕТ

Быть может, никому неважно, что
Я здесь живу, дышу, скорблю, люблю...
Быть может, рассмеется кое-кто
Над горькими слезами, что пролью,
Быть может, миру и не до меня –
В нем миллиарды в точности таких,
Как эта точка во вселенной – я.
И ни к чему ему мой жалкий стих.
Но Кто-то есть. Кому не все равно,
Кто каждою былинкой дорожит.
И слово уст моих уж тем красно,
Что обличенный грех пред Ним бежит,
А откровенный, торопящий зов
Принять зовет Спасителя любовь.

ЖИЗНЬ КОРОТКА

«Жизнь коротка» – звучит банально то,
Но если правда, то пускай звучит.
Сочатся дни сквозь жизни решето,
И смотришь – смерть уж и к тебе стучит.
На днях опять столпился скорбный круг
У гроба милой женщины – сестры.
И дети, внуки, жизни верный друг
Сидели у удушливой горы
Венков прощальных из живых цветов,
Отрезанных от жизни, как и та,
Чье тело среди рюшей, кружевов
Под крышкой гроба скрылось навсегда.
И мы стояли, скучившись в кружок,
И думали: «Короток жизни срок...».

В КОНЦЕ ПУТИ...

В конце пути все стало ни к чему,
Кому раздать из накоплений склад:
Записки, книги, тряпки, хохлому,
Картины, статуэтки, мебель...? «Клад»
Не нужен больше. Даже тяготит.
И все же дорог чем-то... Может быть,
Тем, что воспоминания дарит
О тех, кто жили и не будут жить
Здесь, среди нас, в уютных сих стенах,
Где тени их еще пока живут
С тоскою рядом о былых речах,
О смехе, о слезах... и к ним зовут.
И я держусь за них, хоть знаю – прах
Они, и мы, и вещи – все, что тут...

ЧУМА

С косой чума гуляет по земле.
На этот раз с другим обозначеньем.
Ей имя СПИД и ЭЙДС. Ее реле –
Интимнейшие в жизни отношенья.
О гладах, морах говорил Христос,
Что, мол, придут, как следствие разврата.
Сегодня мир несется под откос.
Безнравственность в крушенье виновата.
Но мало слышно смелых голосов,
Дерзающих назвать порок пороком.
Молчат святые. Двери на засов.
Не подражают Божиим пророкам.
И ищет мир вакцины от чумы.
Она у нас. Чего ж безмолвны мы?

«А В БОСНИИ...»

«А в Боснии гражданская война...» –
Гласит сухая сводка лаконично.
Число убитых – хроника одна.
Статистика бездушна и безлична.
Среди руин, под пуль свистящих трель
Уселся музыкант во фраке черном.
Упер в цемент свою виолончель
И зарыдал смычком резонаторно.
Тот реквием по павшим воякам
Под стать всем войнам, бывшим и грядущим,
Тот траур сердца в пору всем векам,
«За упокой» тот по сраженным душам.
У музыканта брат родной полег
Вчера, за хлебом стоя... Ныне – морг.

НА ЧАСТИ РАЗВАЛИЛСЯ

На части развалился наш Союз –
«Единый, нерушимый», что «навеки»
Вокруг себя соединила Русь,
Как в гимне пелось с флагами на древке.
Вожди слепые сборище слепых
Столкнули в пропасть, как бизонов стадо.
Но Бог спасает в пору, кого надо,
И превращает грешников в святых.
Открылись двери для живого Слова.
Открылись шлюзы – потекла вода.
И истина пробилась к душам снова
Так, как не пробивалась никогда.
Надолго ли? От нас сокрыты сроки.
Но не сокрыты прошлого уроки.

МЕНЯ ПУГАЕТ...

Меня пугает слово «легализм».
«Законничество» – было бы по-русски.
Оно другой напоминает «изм»,
Свободу подавляющий и узкий.
Но вкрался, к сожалению, в среду
Общин святых он древних, галатийских.
К тому ж еще, на общую беду,
Живет и в украинских, и в российских:
«Того нельзя», «Сего не надевай»,
«Там не садись», «А с тем и не общайся»,
«„Аминь“ в конце стихов не забывай»,
«И вообще поменьше улыбайся»...
Запомнить все, что мелко, нелегко,
Не позабыть бы то, что ГЛУБОКО.

МАТЬ ЮНАЯ

(Вере Рожко)

Мать юная, родившая впервые,
Имеет что-то новое во взгляде,
Как будто бы процессы родовые
Вернули нам ее в ином наряде –
Сменилася тревога ожиданья
Тончайшей настороженностью слуха
В момент, когда Создатель мирозданья
Ребеночка ей положил на руки.
И вся она какая-то другая –
И в обращенье с ближними, и с мужем.
Комочек жизни – крошка дорогая
Дана ей Богом, и она ей служит,
И будет каждый миг над ней дрожать.
Все ново в ней отныне. Она – мать!

НА БЕРЕГУ

На берегу, под мерный плеск волны,
Песчаный замок строят чьи-то дети.
Они пока пред взрослыми в ответе
И им отчет за все давать должны.
Из водорослей сделали забор
И ров вокруг наполнили водою...
А матери хлопочут над едою,
Вполголоса ведя свой разговор.
Но ветер слов их нить перехватил,
До слуха донеся обрывки звуков,
Послышался знакомый лейтмотив
Всех матерей для всех детей и внуков:
Песчаный замок, может быть, красив,
Но вряд ли стоит времени и сил.

В СОВЕТАХ ДОБРЫХ...

В советах добрых недостатка нет,
Когда от слез глаза не видят неба.
Так, Иова друзья, ища ответ
На тайну боли, делали дулеба
Из праведника мудрого в беде,
Скоблящего болячки черепицей.
Он вежливо внимал пустой галде,
С защитой не желая торопиться.
Он мысленно испытывал себя,
Блуждая по подземным коридорам
Своей души, пытаясь, не грубя,
Отпор дать недоевшим разговорам.
Хорош бывает вовремя совет,
Когда злорадства в нем ни капли нет.

СТЕНА СЛЫХАЛА...

(Шестидневная война, Израиль, 1967 г.)

Стена слыхала много голосов,
Видала крах не одного оплота,
Несчетно ощущала пальцы вдов,
Совавших в щель записки из блокнота.
Слыхала разъяренную толпу,
Ногами раздавившую раввина,
Восстанья и падения стопу
Не одного вождя и исполина.
Но никогда еще за все века
Не видела стена парашютистов,
Но вот разгоряченная щека
Припала к ней... И вопль был неистов
Тех мальчиков с слезами на очах,
Две тыщи лет несущих на плечах...

*(Сонет-отрывок на свободный перевод
с еврейского на английский поэмы
Хаима Гурина «Парашютисты плачут».)*

Июль 1992 г.

СТОРОЖ ЛИ БРАТУ МОЕМУ?

Жил по соседству старый фармацевт.
Он ростом мал был и на вид невзрачен,
Но выполнял легко любой рецепт,
Легко решал аптечные задачи.

Но время шло, и подряхлел старик,
Ушел от дел второстепенных, лишних.
Он жил один, и домик невелик
Из гаража служил ему жилищем.

Но вот исчез однажды фармацевт.
Ушел, как крот, в свой скромный дом гаражный
В аллейке проездной, в ее конце,
И редко выходил на люди даже.

Вдруг видим мы его на костылях,
Потом на палке четырехконечной.
Он семенит на согнутых ногах.
Спина согнулась, опустились плечи.

Узнали, что в аллейке грузовик
Его толкнул и на капот забросил,
И вот с тех пор калекой стал старик.
Куда ж он семенит, давайте спросим.

Не в церковь устремился старикан.
В конце пути, одной ногой в могиле,
Он в бар плетется осушать стакан
В компании на дно скользящей гнили.

Потом и палка больше не могла
Помочь ему туда добраться как-то.
Он брал такси – от дома до угла!
Коляску-кресло нанимал прокатно.

И наконец совсем исчез из глаз...
И поползли о нем повсюду слухи.
Спросили. Говорят: «Включая газ,
Он загорелся и упал на кухне...».

Погиб старик. Снесли его «гараж»,
Загладили бульдозером площадку.
Фундамент льют. И водрузят этаж,
За ним второй и третий по порядку.

Беседуя с соседом как-то раз,
Спросила: «Верил ли покойник в Бога?»
«Он ни во что не верил, – вот мой сказ. –
Теперь погиб. Туда ему дорога!»

Ни жалости, ни панихид, ни слез.
Был человек – и вот его не стало.
Никто не принимал его всерьез,
Не поднимали о душе вопрос,
А жаль... Таких, как он, вокруг немало.

Мы мимо шли, не лезли в душу им:
«Не принято в чужой душе копаться...».
«Не сторож брату я», – по-каински твердим,
А ведь придется всем нам отчитаться...

Апрель 1992 г.

ПОЧЕМУ?

Приберу и все лежит на месте –
Книжки, и салфетки, и очки.
А бывало кавардак, хоть тресни,
Полотенца всюду и носки...

Под диваном рваные кроссовки,
Под подушкой черствый бутерброд.
Каждый день пеленки на веревке,
Стирка, варка на бездонный рот.

До полночи глажка, штопка, чистка
И усталость до мозга костей.
В прибранной «берлоге» спит мальчишка,
Спят девчата в комнатке своей.

А когда с утра опять гудело
Снова все, как в улье, у стола,
Я с улыбкой грустною глядела
На всегда неконченное дело,
И, мечтая о конце, ждала...

И пришел конец годам тем страдным,
Все птенцы покинули гнездо.
Почему ж не кажется отрадным
Прибранный, уютный, тихий дом?

Апрель 1992 г.

КТО УЧИЛ?

Возвратились в Хуан Капистрано
Стаи ласточек ранней весной.
Над стеной монастырской без крана
«Барельеф» водрузили лепной.

Кто учил их искусству такому?
Кто пропорции точные дал?
Почему прицепляется к дому
Мертвой хваткой простой матерьял?

Кто сказал им, когда возвратиться,
Гнезд строительство к сроку начать?
Кто внушил этой крохотной птице,
Как, куда и когда ей летать?

Нынче много у нас программистов,
И компьютеры им – ерунда!
Но из гнезд глинобитных «монисто»
Будет тайной для них навсегда!

Им не вычислить формулы смеси
Из пропорций земли и слюны,
Ни способности птичьей повесить
Гнезда выше отвесной стены.

Постоим, затаивши дыханье,
Не скрывая волненья лица.
Пред загадочным этим созданьем
Снимем шапки и склоним сердца.

1992 г.

БЕЗ ВЫБОРА И ПО ВЫБОРУ

Нам было некуда бежать,
Нас дома ждал товарищ Сталин.
Как зайцы, перед ним дрожать
Мы к тому времени устали.
Нам угрожал его ГУЛаг
Со злополучною «десяткой».
Двоякий разъяренный враг
Нам наступал уже на пятки:
Одного танки позади,
А впереди «Кацет»* другого.
Внутри, вокруг и посреди
Сказать боялись громко слово.
Раскроют, кто мы, и убьют,
Куда ни двинься, ни поткнися –
Напастей куры не клюют...
Лишь неба синего лоскут
Манил и звал своею высью.
Вопили к Богу день и ночь,
Идя по лезвию стальному.
Мечтали ноги доволочь
К чужому берегу земному.
А уж когда доволокли,
Поверьте, было не до жалоб.
Мы жадно губы припекли
К земле, оставив качку палуб.
С тех пор безропотно живем,
Благодаря Творца за милость.
Собой заполнили пролом
Там, где нам даже и не снилось.
Тоску о прошлом побороть
Нам помогал рассудок здравый,
Твердивший, что тоскует плоть,
А дух давно не той державы.

---

* Концентрационный лагерь

И если слышу ропот я
От тех, кто здесь по доброй воле,
Душа сжимается моя
И от стыда за них и боли.
Ведь их никто сюда не гнал,
И есть возможность возвратиться.
Так пусть бы лучше промолчал
Тот, кто не может примириться
С великой щедрою страной,
Всегда гонимых принимавшей,
Чтоб прятать за своей спиной
К ней от тиранов прибежавших.
Коль матери лишила жизнь,
О доброй мачехе молися.
Привыкни к ней и привяжись,
И постарайся с ней ужиться.
Ведь наша родина не здесь,
Мы странники в дороге к раю,
И Тот, Кто говорил: «Я есмь»,
Живет везде, я это знаю,
И простираюся вперед,
Тоску по прошлому забросив.
Христов народ – вот мой народ.
И нет ни жалоб, ни вопросов!

ОТКУДА?

Откуда к нам идут стихотворенья –
Элегия, сонет или куплет?
Великое творит по вдохновенью
Простейший, только от сохи, поэт.

И если бы не это дуновенье,
Не этот ветер в наших парусах,
Никто б не написал стихотворенья,
Картины бы никто не написал.

Откуда появляются поэмы,
Подобные брюссельским кружевам,
С серебряною нитью общей темы
И общей мысли, вплетенной в слова?

Откуда появляются стихи?
Спроси у тех, кто те слова рифмует,
У тех, кому Господь простил грехи,
У тех, кто пишет те стихи не всуе.

Влетела искра от куста степного,
Что, полыхая ярко, не сгорал,
И полилось рифмованное слово
Неудержимо, как девятый вал.

Не видят чуда критики сухие,
Хотя б из мертвых кто-нибудь воскрес.
Но ведь тот факт, что вот пишу стихи я, –
Не меньшее из Божиих чудес!

Декабрь 1992 г.

ЖЕНСКАЯ ЛИРИКА

Добавочные измерения,
Шестые, или больше, чувства,
Как поцелуй святого гения,
На сердце женского искусства.

То не предвзятость восприятия,
Не гордость злого феминизма.
Очищен дух в крови Распятого,
И Божье Слово – его призма.

Но просто в плане доброй критики
Я свое слово беспристрастное
Скажу в защиту женской лирики
Как мнение сугубо частное.

Возможно, потому что мало их
В рядах поэтов христианских,
Решил Господь сестер побаловать –
И местных, и заокеанских.

И даровать таланты тонкие,
Настрой душевный и глубокий...
И льются их поэмы звонкие,
Бегут с мужскими вперегонки.

А там, где «финиш» лентой алою
Манит победой чемпионов,
Получит женщина усталая
Свой первый приз: букет пионов!

Июнь 1993 г. (после конференции поэтов в Киеве).

ПЕСНЯ ЖАВОРОНКА

(Мысли о картине «Девушка с серпом»)

Пел на закате жаворонок звонко,
Скирды в полях рядочками стояли.
И шла домой с полей с серпом девчонка,
Устало глядя на родные дали.

Был воздух весь насыщен ароматом
Душистых трав и цветиков акаций,
Ромашек, клевера, медовой кашки, мяты...
И не хотелось с поля возвращаться.

Хотелось сделать гнездышко в соломе
И лечь в него, серп на скирду повесив,
Забыть, что больно поясницу ломит,
Смотреть, как луч последний в небе светит.

Потом, закрыв глаза, ту песню слушать,
Что жаворонок звонкий распевает,
И ждать, пока луна закат потушит
И звезды в темном небе засверкают.

Мечтала так усталая девчонка,
А жаворонок в небе черной точкой
Висел, паря и заливаясь тонко,
Над размечтавшейся крестьянской дочкой.

Воображенье и перо поэта
Сплели стихов живую паутину,
Вглядясь под вечер из теней и света
В повешенную на́ стену картину.

Июль 1993 г.

НА УТРЕННЕЙ ПРОГУЛКЕ

Стара снаружи, молода внутри.
Отказываюсь внутренне стареть.
Мой вечный дух с зари и до зари
Пел, и поет, и вечно будет петь.

Он был когда-то заражен грехом
И был на зло и гибель обречен,
Но во Христе был оживотворен,
На небеса навеки водворен.

Стареет тело, часто устает,
Болят колени, плечи и спина,
Но на рассвете все-таки встает –
И на прогулку я иду одна.

Встречая солнца первые лучи,
Внимая хору птичек на заре,
Я слышу – дятел клювом в столб стучит,
И вижу – крот прорыл «окно» в земле.

Журчит водичка в узком ручейке,
Бездомный шевелится под кустом.
Весь скарб его в заплечном рюкзаке,
Заботы все о кошельке пустом.

Сова сорвалась с ветки за кротом,
Лисица ветер нюхает и ждет,
Авось, в нору к семье с голодным ртом
Грядущий день ей что-нибудь пошлет.

А я шагаю, старость позабыв,
Пружинит шаг и ровен сердца стук.
Глубок мой благодарности порыв –
Поет душа, и ум поет, и дух.

То песни звуки на моих устах,
То вдруг стихотворения строка:
«Он посадил меня на небесах!
Меня ведет вперед Его рука!»

Стареет тело – я на вид стара.
Мне отдает почтенье молодежь.
А я пою Творцу уже с утра.
Я вечно с Ним! Ну как не запоешь?

Июль 1993 г.

ЛУЧШЕЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

Все, от высокого до низкого и пошлого,
Шло через жизнь, не замедляя шаг,
Не создавая «золотого прошлого»,
К которому тянулась бы душа.

За прошлое, как нечто драгоценное,
Которое уже нельзя отнять,
Цепляются, когда все современное
Не может больше удовлетворять.

Но если жизнь еще полна значения
И озарений, что питают дух,
Тогда не в прошлое впивают зрение,
А в те огни, что впереди зовут.

Стремление все к лучшему и лучшему
Даст стимул жизни и на подвиг пыл.
«Все впереди! Да, все еще получится!» –
Девиз того, кто в прошлом не застыл.

Нам не дано, почив на лаврах прошлого,
О добром старом времени вздыхать.
Дано на вызов, нам когда-то брошенный,
Стремиться ввысь, трудиться и дерзать!

20 марта 1991 г.

СОДЕРЖАНИЕ

